Окончание доклада М. ТУРСУН-ЗАДЕ

тера каждой литературы особенно ярко ощущается в последние годы. В нашей таджикской литературе за последние годы большое количество произведений переведено на многие языки мира. В свою очередь таджикский читатель получил из родных языков сотни лучших произведений современных и классических писателей народов нашей страны и прогрессивных писателей стран Востока и Запада.

Однако на того, что мы должны сделать для всех, не следует, что мы сторонники эклектики, что мы будем инициировать литературу, лишать ее пола и особых примет. Наоборот, надо усилить национальный характер нашей литературы, чтобы ярче были национальные образы, ярче, сочнее был язык. Надо сотрать в литературу лучшие традиции прошлого, сохранить и довести до читателя прекрасные последние наследия.

В этом свете нам станет понятнее, почему книги Айни стали дорогы не только нашему читателю, но и миллионам за рубежом. Потому что Айни не только реалист вообще, он сугубо индивидуален, как писатель своего народа, он создал такие образы, которые дорогы, которые в любое время остаются сугубо таджикскими. При всей общности основных качеств отличительностью — образы широко известного и мировой литературы, — Ирак Ниязмов абсолютно не похож, скажем, на Тобеева или Мухтару Гаджиева.

Наиболее удачное произведение в отдельно взятой национальной литературе нужно всем народам. Поэтому оно больше вырастает ответственность писателей Таджикистана, как одного из отрядов многонациональной литературы — литературы перед всей советской культурой и литературой. Мера этой ответственности определяется для каждого из нас. Поэтому у нас не может быть разделения писателей на литераторов «местного» значения и «всесоюзного». Мы все всесоюзные писатели и уже давно определились наши обязанности — писать хорошо.

Лучшие произведения таджикской литературы стали значительным событием в литературе вообще. Так, «Бухара» Айни, стихи Лахути, лучшие поэмы Мирзиды, особенно «Ленин», «Ленинград», поэмы Ал. Джалила «Пулат и Гульбуг», ряд «Поэм Им. Мирзиды, «Обновленная земля» С. Улуг-Зода переведены на многие европейские и восточные языки. Из книг не рекомендовать для перевода, или сами наши переводы, которые, кстати, очень плохие, «Бухару» Айни мы видим на древнем санскрите, а когда Кешет получил свободу, эта книга Айни была так издана одним из первых советских произведений. Аналогичные явления произошли с очень многими стихами и поэмами наших поэтов, как Лахути, Ирадж Мирзо, Ал. Джалил. В дальнейшем наша задача укрепить эти крылья. А для этого нам, молодым и старшим писателям, надо мужественно трудиться и подымать свое мастерство.

У нас в поэзии еще много ремесленства, механически подражательной классическому наследству.

Ремесленство сказывается сильнее всего на лирических стихах и чаще всего на газелях. Газель — форма стиха классической лирики. Начиная с Рудаки, она постепенно сделала огромный путь на протяжении 8—9 столетий. В устах Сиади, Гафиза, Джами, Навои, Камол Худжанди газель имела не только лирическую выразительность, но и публицистическую страстность. В последующие 17—18 веков, когда в Таджикской республике, и вообще в Средней Азии, феодальная раздробленность, междоусобицы, гаремы пошли в ущерб примитивных единиц, стали пустыми побрякушками, превратились в муку слов, бесконечные варианты на одну и ту же тему. Поэты-одиночки не думали о гражданских мотивах, о собственной благородстве. В разрез бы погружаясь в отчаяние, он жаждал свободы и справедливости, он умирал в нищете и бесправии и все-таки не сдавался. Наряд отвергал изощренные стрелы изысканного убожества, он сохранил прекрасную — гуманистическую поэзию классиков, выдающихся прогрессивных поэтов, как Сайиде Нагаби, творил свое великое искусство — фольклор.

В наше время некоторые поэты не только считают, что форма газели есть высшая форма современной лирики, но пишут эти газели, основываясь на худшей, «эпигонской» манере.

В сборнике Файзулло Ансори «Ашки» мы читаем красивые, но лишь «по от мира сего» стрелы:

В мире, где мы живем,
я не считаю тот цветок
у которого нет такой красоты
и такого аромата.
Перед своими глазами
не вижу ничего,
кроме розы, твоего лица,
Разве низкому глазами
не глядя,
которые не устремлены
в тебя
в твою сторону?

Между тем у этого же автора есть стихотворение «Лайла» («Ночь»), в котором уже ярко выражены бывшие и волнующие картины.

Вообще Файзулло Ансори сильнее в коротких лирических стихах, чем в своих пространных поэмах.

Эпический жанр — поэмы — особенно развился в таджикской поэзии за 3—4 последние года. Есть поэты, которые сперва вышли на поэтическую арену сбора нашего современника, человека из народа, создали полотна с реалистическим сюжетом и объемным значением. Отличные примеры этому поэма «Легенда из Памира» Мирзиды Мирзиды. Она густо пропитана жизнью, в ней не чисто и родной горной природы и в горной тоже. В ней очень хорошо видны дети, Памир, любовь народа к ленинской партии, вера в победу.

Очень интересны поэмы Гафара Мирзоева «Агро», где обращено другой индивидуальный характер, в поэме Василия Каримова «Тихоокеанское море», дающая представление о размахе работ, о гигантском тифосе строительства. И, конечно, поэма Бахори «Вступление в жизнь», где торжественно звучит тема рабочего класса и ясно видно преобразование целой Таджикской республики. Много интересных поэм и в детской литературе: поэма-сказка «Каттача» Агаммы Сиди, «Чья вина?» Мирзиды Мирзиды, «Мальчик видит мир» Каттори и другие.

Одно из замечательных явлений нашей литературы — это вторжение в нее жизни других народов, темы борьбы за мир, борьбы угнетенных народов за национальную самостоятельность против колонизаторов.

Такое явление мы видим не только в поэзии, но и в публицистике. Все большие изменения видимяются на трапах кораблей, самолетов, пассажирских поездов — и в своих путевых заметках, стихах, поэмах начинают рассказывать о других странах и народах. Это, конечно, и основная достижение нашей литературы последних лет, если даже не полное.

Учитывая его обязанности, я позволю себе задать вопрос — почему некоторые писатели ограничивают себя описанием только своей республики? Конечно они не загнили и соседних? Ведь в сознании жизни национальных литератур, в развитии и прогресса без не всей советской литературы. Партия в известном выступлении Н. С. Хрущева адресует нам великий урок, говоря, что «...в этом отношении наши работники литературы и искусства в большом долгу перед народом. Хочется высказать надежду, что художники, скульпторы и композиторы, писатели и композиторы, литераторы и сценаристы, не останутся в стороне, не останутся равнодушными к великим и жизнь всех национальностей нашей страны».

Этот призыв партии больше всего относится и нам, писателям национальных республик, потому что, например, в русской советской литературе мы найдем объективный материал, посвященный жизни братских народов. Возьмите хотя бы поэмы «Кара-Бугаз» и «Исходы» К. Паустовского, роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», пьесы Михаила Лескова «Гранит», «Дальний Мерцает», пьеса «Большая пустыня» и многие другие, стихи и очерки Николая Тихонова и очерки Паустовского, посвященные Туркмении, книги П. Лукницкого, почти всю свою творческую жизнь посвятившего теме Таджикской республики, и ряд других. Известный Константин Симонов второй год уже приезжал на жительство в Голодную степь, чтобы писать произведения о делах и людях Узбекистана. Ведь в таким же успехом и таджикские писатели могут обнаживаться описанию жизни и узбекских народов, и, скажем, что нас связывает многие века тесных взаимоотношений. Мы дали нашим таджикским читателям переводные книги о всех республиках, пора дать им оригинальный роман и рассказ обо всем, что нас интересует за пределами родного края.

Часто среди работников искусства и литературы мы слышим разговоры о национальном колорите — о сохранении национальных начиной для традиций и музыке и литературе. Конечно, каждая литература использовала прежде всего на национальной почве, что один из источников искусства, это фольклор. Но видимо не все в национальной почве проходит испытание жизнью и временем и не все каноны и традиции выдерживают внимание на лицо национального колорита.

Чему же традиций мы должны следовать, и что из традиций решительно отвергать? Я понимаю традицией ту, в которой таджикская лирика, например, великолепно вложила в себя глубокие гражданские мотивы. И мотивы эти мы видим именно в газели — «сугубо лирической форме стиха» — как принято считать в нашем литературоведении и как говорят многие наши поэты, подавившие газели именитыми рамки из вздохов, роз и улыбок.

Нет, наши писатели не занимались перепевами самих себя и не размалывали на тему позабывшегося обряда. Они передавали нам и наследство традиции глубокого социального мотива в лирической поэзии, заняв создавать на канон, которым незыблемательны и бедны, и сильные образы нового, утверждать свое философское и публицистическое отношение к жизни. Вот истинная и великолепная традиция нашей литературы.

Но, к сожалению, в наше время мы видим влияние других «традиций». Процветает мнение, согласное которой, идущей от эпоса и лирики, не пустую фразу, в яркой, но, увы, затертый, замешенный образ.

Из классической поэзии мы знаем массу примеров, когда поэты прошлого, проявляя свой «героический» взгляд, писали о том, что в действительности называть и воспитывать в Менку и поклоняться Какбе, когда есть алтарь такой прекрасной красоты, мы возлюбленные». Некоторые современные наши поэты — один старые, другие молодые — соглашаются в том, высказывая лучше или используют эти старые образы. В этом сегодняшнем подражании. Один — поэт старшего поколения Рахими, который в стихотворении «Боль и сладость» объясняется таджикской правящие чинили сказанию:

Я молюсь тебе, как на алтарь,
уйду от тебя?
На твой путь я бросаю
свой взгляд, как заря.
Если ты не любишь,
как струится дождь
любви —
вливаю на мои глаза.
Я видел больше благодарности
из твоих прожитых рос.
Нет у меня ничего
и черных, кроме и гарсию.
Другой — молодой поэт Бобо Ходжи. Выражая чувства своей любви к русской девушке, он пишет:

Мой бог, мой мир —
это только ты,
В мире я поклоняюсь
только тебе,
Я никогда не поклонюсь
к Какбу,
Потому что я поклонюсь
(Ходжи) твоей улыбке.

Это стихотворение напечатано в последнем номере «Шарки сурх» за 1958 год, и поэт и редакция напрасно думали, что они делают большое открытие...

Немало талантливых и университетов и горячей конституировали, что выступающие молодые студенты, замечательные ребята, неуравненные головами начинают читать заумные вирши: «О, Таджикистан! Ты пистиник пистиника», «О, Сталинград, ты сталинский сад», «О, Родина, ты вселенной сердце», «О, Родина, ты вселенной сердце», «О, Родина, ты вселенной сердце» и т. д. Можно кончить с этим нарусом одолжения.

Конечно, в таджикской советской поэзии есть борцы за новую эпоху лирики. К таким и отношу героически погибшего в дни Отечественной войны нашего поэта Хабибулло Мехри, в поэмах которого мы видим начатки современного стиха, советского стиля. Такие же стремления мы чувствуем в стихах Гафара Мирзоева, в лучших стихах того же Файзулло Ансори, в отдельных стихах Бобо Рахим-заде.

В наше сознать, что в современной поэзии еще много не хватает. Особенно в песенном жанре, где текст сразу после изменения подхватывается народом. Самый хороший песенный автор у нас Ахмаджон Шукуров, его песни самые популярные. Это именно таджикский поэт, в национальных мотивах, именно наших дней.

Туркский писатель Назым Хикмет, гостивший у нас в Сталинабаде, сделал очень метное замечание о чайхане «Рохат», которая ему сильно понравилась. «Архитектор, — замечал он, — очень верно поняли и использовали национальные традиции, потому что в этой чайхане, и не архитектор, есть традиционное, но таджикское чувство довольствия пятидесятых годов... Если бы она была меньше, то, как все жизни, была бы фальшивой». Мне кажется, что это замечание очень прилажим и к поэтическому творчеству, и к уловить интонацию стихов Шукуров, простоту и сердечность его лирики, в которых и заключен секрет большого обаяния его таланта.

Правда, говорят, что в стихах Шукуров не такает социального колорита. Может быть, следует поэту прислушаться к мнению читателей и углубить социальное звучание стихов, не нарушая при этом единства поэтической характеристики чудесного вторжением «донесков», как это иногда бывает.

По стихам А. Шукуров видно, как складывается новая песенная традиция в нашей литературе. Это первый путь для развития жанра лирических песен, но путь не единственный, в нашем поэтам нужно стремиться к большему разнообразию поэтического творчества. Выбрать тему одна всегда, когда она превращается в схему. Аминджон Шукуров написал стихотворение о любимой «Ах, хотя бы эти улицы были подлиннее». Следом появилось стихотворение Аисора «Я мерцаю тебя на улицы, я чы сердце». Затем свой вариант: «Ах, улицы, улицы и встречи сердец» Бобо Ходжи, затем улица пролетая в стихах Аймы Сиди, в стихах Насиф-заде, и, наконец, вырос целый город из одинаковых улиц, неповторимых выкрикивания. Это лишний пример, но мы видим, что, что это пример не единичный. По одной и той же схеме у нас написаны не десятки, а сотни стихов. И именно здесь таится ловушка для любителей легкого заработка, для халтурщиков.

Особенно это сказалось на жанре песенного жанра. Мы имеем достаточного количества хороших песен о красоте нашей Родины, о наших талантливых девушках, о патриотизме, о Великой молодежи, о комсомоле — на все место появились песни-заменители, способранный песенный мусор, где нет ничего поэтического. Бедняжка-песня просто плачет, до того ей порой приходится туго от грубого натиска окололитературных выжимаков.

Мы ведем борьбу за чистоту нашей жизни, за чистоту нашей литературы. Нельзя давать возможности проникнуть литературу, она не место для торгашества, для спекуляции. Есть крылатое выражение, что литература — зеркало души каждого народа. А народная душа святая. И те, кто развивает эту душу на бесчестные сделки, не достойны высокого звания литератора.

Все эти горы на обогащения и развивания своей литературы, изнывая лучшие традиции других народов, и свою очередь щедро делись с ними собственными историческими достойными и новыми достижениями в этой области.

Мы ждем результат влияния — влияниями в взаимодействия литературы, мы видим в нашей литературе не только возможные новых и обогащение старых жанров, не только расширение тематики и рост писательской техники и писательских приемов мастерства, но расширение чисто новых возможностей, обогащение ритмики, поэтической фонда от запретов канонического литературного языка.

Как результат благородного обмена традициями, мы в нашей литературе видим такие поэтические достоинства человеческого труда, но его увлеченность нам пока еще показать не удалось. Я не знаю почему из нас поэтчаниковых больше всего, но мы должны напишать им с чем на сравнимый удивительный портрет человека, прославленного своим трудом. И где есть у нас, спрашивается, поэма обязанность, исполнить которую принимает нас голос крови, слезы матерей. Мы должны оставить детям, внукам и правнукам сегодня память о погибших героях, история на подвигах, на живую память и наших чувствах. Бесстрастие в жизни ведет быть бесчувствии и в литературе.

В последнее время мы как-то отвыкли говорить о высоком подвиге и песнях. Я имею в виду не цветистость, а эмоциональную выразительность. Многие наши стихи сознанной, тщательно отделанные, но, по сравнению с прошлым, лишенные живого трепета, выливанию жизненному материалу. Между тем произведения стихи должны быть выполнены на большом огне чувства. Таким стихам помогом любви к народу пылает «Монгольская четверть» Мурзы Джалила.

Поэт в своей жизни готов на любой высокий подвиг, а создать хорошее произведение на большом накале — это требует действительно подвижнического труда.

Но так же как необходимы в нашей литературе высокий накал и романтика, пылающая сила фантазии, окрыленность, необходимы и здравомыслие, то есть исследование сугубо научное, строго документальное собирание и анализ фактов. Деталей правдивой, реальной жизни нашего народа, нашей республики.

* * *

За последнее время замечательно окрепла наша молодая драматургия. Появились пьесы «Дилдили найтай» А. Мирзо и Ш. Комилова, «Сходить М. Рабиева и Сандиярова о новой жизни колхоза, инсценировка «Долгодня» Ихрами по роману С. Айни, «Трагедия Усмановых» М. Мирзаева и архитектуре, «Добрая сказка» М. Рабиева о трагедии музыка личности, поэмы «Говорящий чемар» Бакы Рахим-зада и Сандиярова, пьеса-легенда «Сказание Гафиза» Ф. Таджимамедова, новые произведения оперной драматургии — «Джаборо», «Пулат и Гульбуг», «Пахтакор и Нисо».

После декады литературы и искусства были поставлены пьесы «Туфон» Гани Абдулло и Ш. Комилова — о героях гражданской войны, водевиль «Туф» Сайда Гани, две пьесы Ф. Аисора — музыкальная драма «Любовь и жизнь» и комедия «Зиданно» и, наконец, пьеса для детей «Ходжа-Насреддин» Ф. Таджимамедова «Ущелье голубой реки». Этот далеко не полный перечень показывает, что даже по тематике пьеса драматургии стала более разнообразной.

Но, несмотря на некоторое сдвиление, несмотря на заметный рост некоторых драматургов, многогранная наша жизнь, пафос действительности еще далеко не отражены в национальной драматургии. В стороне осталось самое главное, определяющее — труд. Наши драматурги не обратили внимания на то, что великого труда должен быть сейчас главной темой. Драматурги перестали идти по линии психологического углубления героев. Они берут плакатную схему и доказывают ее. А когда начинаешь об этом серьезный разговор, со стороны некоторых авторов встречаешь возражения довольно странные: таджикский народ, мол, темпераментный, серьезная драма ему тяжела, ему надо что «полегче», «повеселей».

Мы не против веселого жанра, но зачем же лишать притыки случайных людей. И вообще, если наш народ действительно темпераментный, которому заслуженно дали это имя, пойдет по линии развлекательства, то он утеряет свое творческое лицо — перестанет быть театром эрамы.

Средствами музыкального жанра, средствами водевиля нам не дать образы героев нашей эпохи, нашего дня мысли, его характер, творца. Поэтому мы еще раз говорим, что наша драматургия всерьез обязана обратиться к поднятию героических драм, мирских полотен, рисующих великую битву народа за коммунизм.

Что наша сила творчества — совершенность. И в этом залог успеха. Что это так — подтверждает наша сила в области кинодраматургии. Она появилась совсем недавно, но первые фильмы Таджикской студии уже обошли экраны многих стран. Все стали в Европе, Америке, Африке, Азии и Австралии. Фильмы «Исходная доблесть» и «Огонек в горах» смотрятся с интересом и имеют многомиллионного зрителя. Разве это только потому, что кино самый массовый вид искусства? Мне кажется, что еще и потому, что в нашей кинодраматургии поднятны самые актуальные, самые животрепещущие темы.

В связи с перестройкой народного образования новые проблемы встали перед литературой для нашего общества. Коммунистическое воспитание — это прежде всего трудовое воспитание. Об этом должны говорить все писатели, поэты, драматурги, пишущие для молодежи. Мы живем в эпоху невиданных преобразований, эпоху наивысшего могущества, и наши дети, которые будут строить коммунизм, будут жить в этот космос. Чтобы писать для всех этих, для писателя, сами должны быть высокоинтуитивными и высокообразованными.

Литература должна прийти на помощь нашей семье, нашей школе. Но пока в книгах для детей мы видим не видим выполнения этой задачи. Наши писатели не выходят из кабинетов — этих и хворей, и винтов о школах писатели не могут набраться от шаблона — Ахмад получил двойку, а Карим ему помогает... Вот в этом друге так прижается пока наша детская литература.

Мы должны развивать и развивать из высокого качества всех жанров литературы. Она должна быть ремесленника, или горный исчитрка. А ремесленничество литературного мастерства решают кадры, талантливое пополнение литераторов.

* * *

Воспитание молодежи — наше кровное дело. Сама молодежь, как бы талантлива она ни была, без помощи старших, без учебы у классиков, без идейного воспитания мастера не может, как нельзя вырастить прекрасный сад без внимательного опытного садовника.

В этом отношении Союз писателей, призванный непосредственно заботиться о своем хозяйстве, многое делает пути проведения курсов-конференций, консультаций, работой над рукописями, организацией литературных вечеров.

За первые три года III и IV съезда писателей, то есть с 1954 по 1959 год принято 20 человек: шесть поэтов, пять прозаиков, один драматург, три критика, три фольклориста, два переводчика. С точки зрения количественный это выглядит как будто неплохо, но если внимательно разобраться, то оказывается, что в нашем союзе молодых писателей было, а очень молодых совсем нет.

Надо дать широкую дорогу молодежи в литературу, не проявляя при этом воспитанности. Надо терпеливо ждать, пока молодые авторы не проявят свой писательский талант, не выковают себе читателей.

Поэтому приходится с сожалением отметить наличие вскормленных тепличной у рада наших молодых товарищей. Они часто стараются дать и печать еще сырые свои произведения или одно и то же произведение печатают в нескольких журналах и газетах. В качестве примера можно привести таких наших молодых писателей, которые сделали уже солидный вклад в литературу, как, например, Гафар Мирзоев, Файзулло Ансори, Бахори, Хабибулло Назаров. Счастье, что у нас в республике много издается: газет и журналов. Это наша гордость, но этот сверхобилие — ведь не все рассчитаны на молодых писателей. Они несут свое произведение в один журнал, там бракуют, они несут его в другой, третий и, наконец, добиваются опубликования. Где чаще нужно — два такой молодой автор случайно пробуждается стараться пробиться в издательство. Ускорение этих произведений — издания их отдельной книжкой. И попробуйте отравить его этому! Тут нужна упорная сила всего Союза писателей, единого консультанта уже не хватает.

Другой вопрос. Некоторые ранние молодые авторы подходят некритически к своим учителям в поэзии. Конечно, у поэтов старшего поколения есть большой опыт и в обращении с материалом, и в знании языка, но нельзя этот опыт слепо переносить в свои стихи. Надо брать то, что нужно народу, что идет на пользу литературе, то есть всегда стоять на принципиальной точке зрения. Воспитание молодежи — дело общественное. И пора за это отвечать всему коллективу. Это не дело отдельных мастеров.

У нас часто бывает, что мы, старшие обходим еще талантливых молодых. Зато когда замечаем, не надо молчать, надо сразу одобрить, потому что оценка творчества помогает и этому молодому автору, и другим. Когда мы стали внимательнее к продукцией Таджикистана, для поиска для наших стихов